

**Муму.
Новая
мука
Герасима**

Рафаэль Мударисов

Рафаэль Мударисов

Муму. Новая мука Герасима

<https://litres.ru/74029519>

SelfPub; 2026

Аннотация

Что если самая большая трагедия в жизни Герасима – утопление Муму – была лишь началом? Изгнанный из барского дома, глухонемой силач возвращается в родную деревню, но покой ему лишь снится. Его преследуют видения и звуки, которых не должно быть, а ночи наполнены необъяснимым ужасом. Может ли мертвая вернуться? И если да, то какова цена такого возвращения? Приготовьтесь к леденящей душу истории о том, как самая преданная любовь может обернуться самым страшным проклятием, когда Муму восстает из водных глубин, чтобы вновь встретиться со своим хозяином.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Муму. Новая мука Герасима

Глава

Помня безмолвные упреки Муму, потонувшей в темных водах, Герасим, как и было предсказано, не мог более оставаться в барском доме. Отвернувшись от городской жизни, от суеты и мелких дрязг дворни, он, словно могучий зверь, раненый в самое сердце, побрел прочь, оставляя за спиной пыль больших дорог и душный воздух столицы.

Дорога до родной деревни была долгой и тяжелой, но каждый шаг отдалял его от того места, где он совершил самое страшное – отнял жизнь у единственного существа, что любило его беззаветно, чисто, как ребенок. Он шел, не оглядываясь, не обращая внимания на мимолетные улыбки крестьянок, на любопытные взгляды попугчиков. В его душе царил глухая, беспросветная тоска, которая теперь стала его единственной верной спутницей. Придя в свою родную деревню, Герасим вновь принял на себя обязанности полевого работника. Он трудился не покладая рук, за четверых, как и прежде, но теперь его мощь и усердие были лишены той радости, что некогда освещала его труд. Он не пел за работой, не шутил с мужиками; его лицо, прежде открытое и добродушное, ныне носило печать безмолвной скорби, глубокой,

как русло пересохшей реки.

Деревенские бабы сторонились его, шептались о его нелюбимости, о том, как он «сам не свой стал после города». Мужики, видя его исполинскую силу, лишь пожимали плечами, пробовали заговорить, но, натываясь на его глухое молчание, скоро оставляли попытки. Герасим жил один в своей маленькой избе на краю деревни, вдали от других домов, словно изгой, добровольно обрекший себя на одиночество. Дни текли монотонно, сменяя друг друга, как страницы одной и той же, давно прочитанной книги. Утро приносило с собой туман, полдень – палящее солнце, вечер – прохладу и усталость. Но для Герасима все было едино, все сливалось в нескончаемую череду безразличных часов. Он ел без аппетита, спал беспокойно, часто просыпаясь от какого-то неясного ощущения, будто что-то не так, будто кто-то чужой стоит у порога его души. Он привык к этому чувству, как привыкают к старой, ноющей ране, что никогда не заживает до конца. Однажды, по обыкновению, вернувшись с поля на закате, Герасим отворил скрипучую дверь своей избы. Внутри было сумрачно и прохладно. Привычной рукой он зажег лучину. Дрожащий огонек осветил скудное убранство: стол, лавка, печь, да узкая кровать в углу. Ничего не изменилось. Но что-то было не так. Воздух казался тяжелым, насыщенным чем-то чужим, непривычным. Герасим, всегда чувствительный к малейшим переменам, остановился посреди избы, прислушиваясь. Ти-

шина. Только мерное потрескивание лучины. Он списал это на усталость, на извечную тоску, что мучила его сознание. Он принялся разводить огонь в печи, но, наклонившись к остывшим углям, вдруг почувствовал легкое прикосновение к своей щиколотке. Мягкое, едва уловимое, оно было так похоже на... Он замер, сердце его, обычно спокойное, словно тяжелый камень на дне реки, забилося глухо и тяжело. Герасим медленно выпрямился, оглянулся. Никого. Изба была пуста. Он провел рукой по лицу, пытаясь отогнать наваждение. «Померещилось, – подумал он, – от горя да от одиночества и не такое увидишь». Но наваждения не прекращались. Той ночью, едва Герасим задремал, ему почудилось, что кто-то скребется в дверь его избы. Тихо, настойчиво, будто маленький зверек просится внутрь. Он резко распахнул глаза. Темнота. В избе было так тихо, что можно было слышать, как кровь стучит в висках. Скребся ли кто-то? Или это был лишь ветер, завывающий в трубе, или старый скрип дерева? Он поднялся, огромной тенью прошел к двери и приник к ней ухом. Ни звука. Только стук его собственного сердца. Герасим долго стоял так, вглядываясь в чернильную тьму за окном, в ту самую тьму, что поглотила Муму. Неожиданно его взгляд упал на порог. В лунном свете, проникавшем сквозь щели в ставнях, он различил едва заметный, чуть влажный след. Отпечаток маленькой собачьей лапы. Дыхание перехватило. Герасим отпрянул, словно от удара. Он знал этот след. Знал его лучше, чем свои собственные. Он видел его сотни

раз на влажной земле, на снегу, на пыльных дорогах барского двора. Это был след Муму. Он стоял, не в силах пошевелиться, его огромное тело словно окаменело. Страх, тот самый древний, первобытный страх, что знаком человеку перед лицом неведомого, стиснул его горло. Он, Герасим, который ничего не боялся, теперь дрожал, как осиновый лист. Утром, едва рассвело, Герасим вышел из избы. След на пороге исчез. Ветер разметал его, или ночная влага испарилась, но ничего не осталось, что могло бы подтвердить его ночные видения. Он провел день на работе, стараясь не думать, отгонять навязчивые мысли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.